

Антонов И. В. Вопрос об этнической принадлежности носителей чияликской культуры в историографии / И. В. Антонов // Научный диалог. — 2017. — № 11. — С. 309—327. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-309-327.

Antonov, I. V. (2017). Problem of Ethnicity of Chiyalikskaya Culture Natives in Historiography. *Nauchnyy dialog*, 11: 309-327. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-309-327. (In Russ.).

УДК 902/904(470.5)“04/14”

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-309-327

Вопрос об этнической принадлежности носителей чияликской культуры в историографии

© Антонов Игорь Владимирович (2017), orcid.org/0000-0002-1188-1785, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологического наследия Южного Урала, Институт этнологических исследований им. П. Г. Кузеева (Уфа, Россия), igan73@yandex.ru.

Рассматривается вопрос об этнической принадлежности носителей чияликской культуры, выделенной по материалам памятников в низовьях рек Ик и Белая. Представлены результаты сопоставительного анализа данных археологии и письменных источников. Несмотря на распространение ислама, в погребальном обряде чияликских могильников XIII—XIV веков сохранились языческие реликты, характерные для угров Зауралья и Приуралья. Выполнен обзор историографии, который показал, что, являясь частью этнокультурного ареала угров Южного Урала, носители чияликской культуры находились под сильным влиянием Волжской Булгарии. Сделанные выводы подтверждаются сведениями письменных источников. В результате постепенной тюркизации и исламизации потомки носителей чияликской культуры вошли в состав башкир. Однако проследить их историю после XIV века трудно из-за недостаточной изученности памятников археологии и отсутствия данных смежных наук. Доказано, что угорский компонент в этногенезе башкир сыграл не основную, а, скорее, локальную роль: потомками носителей чияликской культуры считаются северо-западные башкиры. Новизна исследования видится в том, что носителей чияликской культуры нельзя отождествлять с башкирами письменных источников. Башкирами могли быть носители памятников селеукского типа, синхронных чияликской культуре и широко распространенных на Южном Урале.

Ключевые слова: чияликская культура; угры; башкиры; тюркизация; исламизация.

1. Введение

Чияликская культура — последняя по времени археологическая культура на территории современного Башкортостана, поэтому проблема эт-

нической принадлежности носителей чияликской культуры имеет самое непосредственное отношение к любым исследованиям в области этногенеза башкир. Однако этногенетические исследования в Башкортостане осложнены тем обстоятельством, что памятники, пришедшие на смену чияликским древностям (с XV века и позже), до сих пор изучены лишь эпизодически и без систематических обобщений. В такой ситуации было бы затруднительно проследить преемственность в развитии культуры населения края, связать чияликские древности с более поздними памятниками, башкирская принадлежность которых уже ни у кого не вызывает сомнений. Поэтому автор ставит перед собой более скромную задачу: дать историографический обзор проблемы и наметить возможные пути ее решения, а в плане этногенетических исследований попытаться ответить на вопрос: можно ли считать носителей чияликской культуры башкирами и (или) непосредственными предками современных башкир? Насколько велика роль носителей рассматриваемой культуры в этногенезе башкир? Для ответа на поставленный вопрос необходимо провести сопоставительный анализ мнений исследователей (по возможности в хронологическом порядке) об этнической принадлежности носителей чияликской культуры.

2. Выделение чияликской культуры

Е. П. Казаков к памятникам так называемого чияликского типа отнес несколько десятков памятников, изученных в низовьях рек Ик и Белая [Казаков, 1978, с. 42]. Вопрос об этнокультурной принадлежности чияликских памятников Е. П. Казаков рассматривает по данным анализа погребального обряда Такгалачукского и I Азметьевского могильников, сохранивших такие реликты языческого обряда, «как сопровождение детских погребений традиционной лепной круглодонной керамикой с веревочно-ребенчатой орнаментацией, культ огня, употребление погребальных лицевых покрытий с металлической накладкой на месте рта». Все эти признаки характерны для памятников бассейна р. Сылва и лесного Зауралья X—XIII веков, определенно относящихся «к угорскому, в основном мансийскому, населению», а лицевые покрытия в виде неправильных по форме накладок, вырубленных из пластинчатого листа серебра или бронзы, имеют близкие аналогии в этнографии обских угров. Отмечая, что восточная граница памятников чияликского типа не ограничивалась нижним течением Белой, Е. П. Казаков писал: «Однако отсутствие изученных памятников в этом регионе (левобережье средней Камы. — *И. А.*) не позволяет конкретизировать вопрос о восточных границах чияликских памятников, хотя уже сейчас можно говорить о довольно большой территории, занимаемой

ими к востоку и северо-востоку от Волжской Болгарии». В данном случае Е. П. Казаков сослался уже не на данные археологии, а на сведения Плана Карпини и Рубрука, которые «довольно четко определяют территорию «паскатир» — к востоку и северо-востоку от Волжской Болгарии и принадлежность «паскатир» к уграм». Е. П. Казаков считает, что после ухода основной массы мадьяр на запад из «Великой Венгрии» (бассейн р. Белая) там продолжали кочевать отдельные группы угров, одну из которых и нашел Юлиан. Следы угорского населения, представленного памятниками чияликского типа, по мнению Е. П. Казакова, «следует искать в материальной и духовной культуре икских, нижнебельских и северных башкирских этнических групп», территория расселения которых наиболее близко подходила к районам прежнего обитания угров. При этом исследователь ссылался на наличие угорской топонимики в низовьях Белой и в восточных районах Татарии. Ссылаясь на Р. Г. Кузеева, Е. П. Казаков писал: «Чияликское, скорее всего угорское население в XIII—XIV вв. начало интенсивно поглощаться поздними тюркоязычными, в основном кипчакскими, кочевниками, составившими основу башкирского народа» [Казаков, 1978, с. 83—93]. Однако Р. Г. Кузеев писал о смещении и взаимодействии племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом, что привело к формированию современного башкирского народа [Кузеев, 1974, с. 481]. Е. П. Казаков же отождествил древнебашкирский этнос с приуральскими уграми — носителями чияликской культуры.

Касаясь вопроса о датировке исследованных памятников, Е. П. Казаков отмечал, что в домонгольский период (XI — начало XIII вв.) районы низовьев рек Ик и Белая оставались слабозаселенными, в то время как значительное число памятников чияликского типа, находящихся параллели в средневековых угорских памятниках Приуралья и Зауралья, фиксируется в указанных районах в монгольский период. XV—XVI века — наименее исследованный период в истории восточных районов Татарии. Предполагается, что в это время остатки угорского населения были окончательно поглощены тюркоязычными этническими группами. В конце XVII века эти районы населяли башкирские племена, нередко проживавшие совместно с казанскими татарами [Казаков, 1978, с. 97—99].

Памятники постпетрогромского типа, включая памятники Южной Удмуртии (городище Каменный Лог, святилище Чумойтло и др.), восточных районов Татарии (VIII Меллятамакский, I Минниярковский, I Семиостровной могильники, погребение 25 I Азметьевского могильника и др.), бассейна р. Сылвы (Селянинский могильник) и Северной Башкирии (Мрясимовский, некоторые ранние погребения Каранаевского, Идель-

баевского, Кушулевого могильников), Е. П. Казаков датирует концом X — XII веками. Памятники чияликского типа возникают в Восточном Закамье и прилегающих районах после монгольского нашествия. Они занимают более узкую территорию, а чияликская керамика, несомненно, родственная постпетрогромской, в то же время отличается, имея примесь песка, шаровидное тулово, невысокую блоковидную или раструбообразную шейку с заостренным венчиком. Постпетрогромские и чияликские памятники, оставившие лепную круглодонную керамику с веревочно-гребенчатой орнаментацией, связываются с угорскими этническими группами [Казаков, 1986].

По мнению Е. П. Казакова, «признавая в целом родственность чиялика и постпетрогрома, следует все же подчеркнуть, что они оставлены различными племенными объединениями угров. Это подтверждается разной хронологией (домонгольский и золотоордынский периоды) этих культур, а также различием форм (керамики. — И. А.) и глиняного теста». Аналогии чияликским древностям отмечаются в макушинских памятниках Зауралья, что позволяет «локализовать памятники чияликской культуры на широкой, в основном — лесостепной, территории от р. Ик в Восточном Закамье до низовий левобережной части Тобола». Однако четко размежевать две родственные культуры оказалось невозможным. «Несомненное сходство, особенно в керамическом материале, наблюдается между чияликским и постпетрогромским (второго этапа) комплексами. Если постпетрогромская посуда первого этапа (конец X — XI века, первая половина домонгольского периода) четко отличается от чияликской цилиндрошейностью, то керамика второй половины домонгольского времени (XII — первая треть XIII веков) такого отличия уже не имеет». Один из районов формирования чияликской культуры мог располагаться на р. Пышме, в юго-восточной части ареала юдинской культуры, где изучен Пылаевский могильник XI—XII веков, наиболее близкий языческим комплексам чиялика. «Скорее всего, сменив постпетрогромское население, этнические группы с культурой типа Пылаевского могильника в золотоордынский период заняли широкие пространства лесостепи к западу от Урала. В Зауралье продолжателем культуры этого населения является макушинская группа» [Казаков, 2007, с. 61—62]. По мнению исследователя, «крупнейшие из раскопанных чияликских могильников — Такталачукский, I Азметьевский, Дербешкинский — скорее всего, оставлены предками племени эней». Это племя в XVII—XIX веках занимало обширную территорию в низовьях Ика и Белой, где в XIV веке располагались и чияликские некрополи. В XIX веке в пределах обширной чияликской территории локализу-

ются места расположения этнокультурных групп с угорскими этнонимами (*эней, юрми, гайна, кесе* и др.) [Казаков, 2007, с. 64—65].

Из старинного предания известно, что енейцы занимали «обширные земли в низовьях Ика, Белой и по берегам Камы», были могущественным и многолюдным племенем. Согласно Р. Г. Кузееву, «судя по отсутствию в речи икских башкир каких-либо следов угорской лексики, по тюркскому типу всех тамг, историческим преданиям, которые неизменно связывают их с булгарами и Булгарией, можно предположительно считать, что предки енейцев в конце I тыс. н. э. говорили на тюркском (булгарском?) языке, но сильно смешались с уграми-мадьярами, следы влияния которых надо искать в физическом типе и архаичных пластах культуры башкир» [Кузеев, 1974, с. 340—341]. Таким образом, тюркские корни енейцев несомненны, в то время как их угорские корни еще следует выявить. В том же булгаро-угорском окружении находились племена юрми, гайна и кесе [Кузеев, 1974, с. 345].

3. Дискуссия о происхождении чияликской культуры

Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова выразили несогласие с точкой зрения Е. П. Казакова о принадлежности памятников чияликской культуры уграм, так как «по времени существования и месту расположения эти памятники полностью вписываются в территорию расселения башкир племени буляр». Из контекста предания булярских башкир видно, что они жили на своей земле «задолго до прихода монголов». По мнению цитируемых авторов, выделять памятники «типа Кушулево и Такталачук в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами нет необходимости. Их лучше рассматривать как памятники буляр-байлярской группы башкир». Находка надмогильной плиты с надписью на тюркском языке арабскими буквами свидетельствует о том, что население бассейна Белой, оставившее указанные памятники, говорило на тюркском языке, каким мог быть только башкирский язык [Мажитов и др., 1994, с. 264—265, Мажитов и др., 2009, с. 385—387].

Цитируемый фрагмент воспроизведен и во втором томе «Истории башкирского народа» (автор — Н. А. Мажитов), но там вывод о буляр-байлярской принадлежности рассматриваемых памятников снабжен следующим редакционным примечанием: «Автор не учитывает, что памятники чияликской культуры распространены от восточных районов Татарстана на западе до Курганской области на востоке и до южных районов Пермской и Свердловской областей на севере. Ареал распространения чияликской культуры, таким образом, практически полностью совпадает с современной territori-

ей расселения башкир, включая пермских и курганских» [ИБН, т. II, с. 189]. Однако Н. А. Мажитов, скорее, имеет в виду один из локальных вариантов чияликской культуры, связываемый им с северо-западными башкирами. Аналогичным образом другие локальные варианты этой культуры могут быть связаны с соответствующими территориальными группами башкир. Проблема выделения чияликских памятников «в особую археологическую культуру при их ясной увязке с башкирами», очевидно, связана с целесообразностью или нецелесообразностью использования самого термина «чияликская культура». Да, эта культура имеет ясную увязку с предками башкир, что никем не оспаривается. Однако чияликская культура была не единственной культурой, которую можно связать с предками современных башкир. Достаточно указать хотя бы широко распространенные в степной полосе Южного Урала памятники «кыпчакского типа» (земляные и «каменные» курганы), которые имеют не менее ясную увязку с кыпчакским компонентом башкирского этноса. К чияликской культуре эти курганы никакого отношения не имели. Курганные могильники лесостепного Приуралья (Сынтыштамакский и другие) также не относятся к чияликским памятникам. Таким образом, понятие «культура башкир», несомненно, шире термина «чияликская культура», которая, действительно, была особой археологической культурой в общем массиве памятников, оставленных предками башкир. Кроме того, неясно, сформировалось ли уже в эпоху монгольского нашествия единое этническое самосознание среди различных племен, вошедших позднее в состав башкирской народности.

Башкирские предания отвечают на этот вопрос положительно, хотя они и были записаны в более позднее время. В предании «Булгары и башкиры» сказано, что посредством деятельности болгарских миссионеров «ислам распространился среди башкир в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа» [БНТ, т. 2, с. 164]. Эти слова прекрасно иллюстрируют прослеживаемый по данным археологии процесс исламизации носителей чияликской культуры.

«До нашествия полчищ Чингиса и Батыя реки Агидель, Ик, Мэлле и Мензели были глубоководны, богаты рыбой, а долины их покрыты густыми лесами. Птиц и зверей водилось здесь бесчисленное множество. В тех местах кочевали башкирские роды байляр и буляр», — рассказывается в предании «Биксура». Между реками Минзели и Ик кочевал род Карагай-атайцев, соседними родами которых являлись байляр, ыласын и буре [БНТ, т. 2, с. 166].

Согласно Р. Г. Кузееву, башкиры-буляры этнически восходят к волжским булгарам (билерам). Сами они «считают себя переселенцами с древ-

него Булгара». Их переселение в низовья Зая, а оттуда на Ик и Сюнь, было вызвано событиями в Золотой Орде в конце XIV века [Кузеев, 1974, с. 324—327]. Однако по преданию они обитали в современных местах еще до монгольского нашествия. Байлар — племя тюрко-монгольского происхождения, пришедшее из Центральной Азии и Алтая в Среднюю Азию, Казахстан и Восточную Европу [Кузеев, 1974, с. 328—330].

Н. А. Мажитов считает, что чияликская культура в низовьях р. Белой XII—XV веков принадлежала собственно башкирским племенам [Мажитов, 2011, с. 75]. Происхождение керамики со шнуровым орнаментом, которая является характерной чертой культуры финно-угорского населения Правобережной Камы и Среднего Урала, в памятниках чияликского круга, по мнению Н. А. Мажитова, объясняется частичной ассимиляцией башкирами своих северных соседей [Мажитов, 2011, с. 84]. Таким образом, присутствие финно-угорского компонента не отрицается. Более того, здесь нет противоречия выводам Е. П. Казакова, который отмечает, что в чияликских могильниках золотоордынского времени сосуды со шнуровым орнаментом продолжали ставить только в погребениях младенцев, видимо, еще не прошедших обряда посвящения в ислам. В то же время данная керамика явно отражает связи с уральской шнуровой посудой, что подтверждает принадлежность чияликского населения к массиву угорского этнического пласта Урала [Арсланов и др., 1993, с. 20]. Таким образом, если согласно Е. П. Казакову носители чияликской культуры — угорские предки башкир, то согласно Н. А. Мажитову — это башкиры, включившие в свой состав угорский компонент. Но даже если характерная для угров керамика встречается в чияликских погребениях только в виде исключения, отсюда не может быть сделан вывод о нетипичности или незначительности шнуровой посуды для рассматриваемой культуры в целом. Небольшая доля такой посуды объясняется исламизацией населения чияликской культуры. На современном уровне наших знаний никакие другие компоненты населения, кроме угорского, в составе носителей чияликской культуры не прослеживаются.

4. Носители чияликской культуры и башкиры

Г. Н. Гарустович погребальные памятники чияликского типа, совершенные по раннемусульманскому обряду с пережиточными языческими элементами (Кара-Яр, Казыберган, Тукмак-Каран, Такталачукский, Азметьевский I, Старо-Варяжские I и II могильники), датирует XIII—XIV веками, хотя выделяются группы языческих погребений с вещами XII—XIII веков (Кушулевский могильник) и погребений со значительно менее

выраженными элементами язычества XIV—XV веков (Ахметовский II, Кара-Якуповский, Рязановский, Горновский и Нижне-Хозятковский могильники). Исследователь считает чияликские памятники угорскими на основании следующих признаков: шнуровая керамика, наличие в погребениях следов культа огня, северная ориентировка в погребении 7 могильника Кара-Яр, поворот лица в отдельных погребениях в левую сторону — к северу, уральский тип черепов из Ахметовского II могильника. Сходство мусульманского погребального обряда и находки большого числа булгарских вещей в чияликских погребениях и на территории селищ свидетельствуют о сильном влиянии булгарской культуры. Носители чияликской культуры приняли непосредственное участие в формировании этнического облика западных и северо-западных башкир. Ассимиляция их башкирскими племенами произошла едва ли ранее второй половины — конца XIV века [Гарустович, 1988].

Самые крупные чияликские могильники (селища изучены значительно хуже) расположены в междуречье рек Зай и Ик, где проходили западные границы расселения чияликских племен. «Размещение чияликских памятников вдоль восточных границ Волжской Булгарии, которые проходили по рекам Шешма и Зай, позволяет констатировать факт о том, что именно Булгария была центром притяжения приуральского населения в XIII—XIV вв.» [Гарустович, 1992, с. 122]. Говоря об исторической судьбе приуральских угров, Г. Н. Гарустович отмечал, что «не вызывает сомнения факт их тюркизации и вхождения в состав башкирских племен (племена юрматы, юрми, еней, буляр и т. д.)» [Гарустович, 1992, с. 123].

Р. Г. Кузеев отвергает версию большинства исследователей, считающих племя юрматы по происхождению угорским, о том, что «предки юрматынцев — древние венгры, которые в эпоху средневековья (XIII—XIV вв.) подверглись тюркизации». В пользу этой версии, казалось бы, свидетельствует «факт расселения юрматынцев в XIII—XIV веках на юго-восточных границах булгарской территории». Но сам Р. Г. Кузеев придерживался мнения о древнетюркском происхождении этнической основы юрматынцев. Оставляя открытым вопрос о принадлежности древних юрматынцев к собственно булгарам, он счел возможным сделать вывод: «средневековые юрматынцы — угризированные тюрки, вместе с булгарами переселившиеся в свое время из Приазовья на Волгу» [Кузеев, 1974, с. 122—128]. Однако этнические процессы в эпоху средневековья в Волго-Уральском регионе протекали в обратном направлении — в сторону тюркизации угров.

В совместной статье Г. Н. Гарустовича и В. А. Иванова памятники чияликского типа датированы XII—XIV веками. К числу многочисленных

пережитков языческого угорского обряда в чияликских могильниках, где большинство погребений совершено по мусульманскому обряду, отнесены круглодонные сосуды с характерной гребенчато-шнуровой орнаментацией, поставленные в изголовье могилы, остатки конской шкуры и бляшки-наглазники, женские украшения, среди которых наиболее часты подвески с железными бусинами [Гарустович и др., 1992, с. 25].

В. А. Иванов показал, что угры расселились в западных и северо-западных районах современного Башкортостана, а башкиры — в центральных, западных и юго-западных районах. Связываемые с башкирами курганы Сынтыштамакского могильника на Бугульминской возвышенности по своему обряду отличаются от синхронных соседних могильников чияликской культуры. Анализ карты ал-Идриси 1154 года показал, что «башкиры в это время занимали западные и юго-западные территории современного Башкортостана, по долине р. Белой гранича с приуральскими уграми» [Иванов, 1994, с. 89—92]. Таким образом, носители чияликской культуры не обязательно должны быть тождественны башкирам письменных источников, но впоследствии они были ассимилированы башкирами, и поэтому могут рассматриваться в качестве одного из компонентов современного башкирского этноса.

По мнению В. А. Иванова, история памятников чияликского типа начинается с XII века, когда угры заселили северо-восточные окраины Волжской Булгарии. Основным районом распространения этих памятников являлось тогда Камско-Бельско-Икское междуречье. В XIII—XIV веках чияликское население постепенно расширяет ареал своего обитания за счет окрестностей Уфы, бассейна нижнего и среднего течения р. Белой [Иванов, 1996, с. 86].

Чияликская культура отнесена «к этнокультурному ареалу (ЭКА) культур с резной и гребенчато-шнуровой керамикой, занимавшему территорию лесного и лесостепного Зауралья и Приуралья», этническое содержание которого составляли представители уральской языковой семьи. В то же время В. А. Иванов допускает, что «носители чияликской культуры, вполне возможно, могли со временем перенять древнебашкирский язык (и, соответственно, считать себя башкирами), но сохранять при этом свой культурный облик, сложившийся под воздействием местной этногеографической среды» [Иванов, 2003, с. 180]. Тем самым автор различает проблемы происхождения чияликской культуры и языковой принадлежности ее носителей: имея угорское происхождение, «чияликцы» могли перейти на тюркский язык или какое-то время пользоваться двумя языками одновременно. Однако тюркским языком мог быть не только башкир-

ский, но и болгарский. Нам ничего не известно о том, как складывались отношения «чияликцев» с древними башкирами, но о сильном влиянии болгарского языка свидетельствует факт наличия в западных и центральных районах Башкортостана болгарских кладбищ, содержащих каменные надгробия с эпитафиями [ИБН, т. II, с. 222—225]. В эпитафии Старокаламашевской плиты (Чекмагушевский район), на которую, как отмечалось выше, ссылаются Н. А. Мажитов и А. Н. Султанова, указана дата погребения — 747 г. х. [Ишбердин, 1980, с. 64], т. е. 1346/47 гг. н. э. В конечном итоге, войдя в состав башкир, потомки носителей чияликской культуры, перешли на современный башкирский язык кыпчакского типа.

В трудах Г. Н. Гарустовича представления о территории и хронологии чияликской культуры постепенно менялись. Первоначально исследователь датировал чияликскую культуру XIII—XIV веками, в то же время отметил сохранение ею преемственности с населением, оставившим памятники мрясимовского типа (X — начала XIII веков). Ареал чияликской культуры простирался от восточных границ Волжской Булгарии до предгорий Урала. На юге эта территория ограничивалась краем степной, а на севере — краем лесной зоны. Чияликские памятники составляют юго-западную периферию большой общности, заселявшей лесостепь по обе стороны Уральского хребта. Зауральские памятники этой общности отнесены к макушинскому типу, памятники Пермской области выделены в сылвенскую культуру. «Специфика чияликского населения в рамках этой общности обусловлена сильным влиянием Волжской Булгарии и распространением в Приуралье мусульманской религии. Угорские племена лесостепной зоны Южного Урала со временем тюркизировались и вошли в состав башкирского народа (племена юрматы, юрми, буляр, еней, гайна)» [Гарустович, 1996, с. 52—55].

Уже в домонгольское время, помимо курганных комплексов, изредка встречаются грунтовые захоронения, напоминающие классические чияликские погребения более позднего времени (Сасыкуль) [Гарустович, 1998, с. 17]. Таким образом, памятники конца X — начала XIII веков представлены грунтовыми, чияликскими (Ново-Сасыкульский, Кушулевский), и курганными, мрясимовскими могильниками (Каранаево, Бакалы, Мрясимово). Отмечается, что «на протяжении домонгольского времени родственные племена мрясимовцев и чияликцев взаимоассимилировались, с преобладанием черт, свойственных чияликам» [Гарустович, 1998, с. 20]. Памятники мрясимовского типа и чияликскую культуру маркирует лепная круглодонная керамика, украшенная оттисками гребенчато-шнурового штампа. В XIII—XIV веках бытуют два вида лепной

керамики: в приуральской лесостепи чияликская, генетически связанная с мрясимовской, но имеющая небольшие отличия от нее, а в предгорной зоне Южного Урала — в среднем течении р. Белой, на северо-востоке Башкортостана, по рекам Ток, Самара, Кинель и в зауральской лесостепи — плоскодонная, украшенная зашипками и насечками по венчику, названная селеукской. «Селеукские памятники до сих пор еще мало изучены, и говорить что-либо об истоках плоскодонной керамической традиции и специфике взаимодействия чияликцев и селеукцев пока еще преждевременно» [Гарустович, 1998, с. 22—23]. Таким образом, если мрясимовские памятники генетически предшествуют чияликским, то селеукские памятники из этого ряда совершенно выпадают. Нет оснований считать, что «селеукцы» были родственны «чияликам» и вместе с ними входили в состав археологических культур угорского ЭКА. Введение в научный оборот памятников селеукского типа (по- существу речь идет о новой археологической культуре, территория которой значительно превышает территорию чияликской культуры) позволяет иначе взглянуть на проблему соотношения носителей чияликской культуры с историческими башкирами. Обычно считается, что «чияликцы» — это и есть башкиры, поскольку на территории Башкирии якобы нет никаких других памятников, кроме чияликских. Однако это совсем не так, да и время принятия северо-западными башкирами этнонима *башкорт* в качестве самоназвания точно не установлено.

В последнее время взгляды Г. Н. Гарустовича изменились в сторону расширения временных и пространственных рамок чияликской культуры. В обзорном очерке исследователь датирует чияликскую культуру X—XIV веками, а территорию ее распространения определяет в лесостепной зоне от междуречья рр. Шешма и Зай на западе до р. Тобол на востоке, включая памятники макушинского типа в Зауралье. Автор присоединяется к мнению большинства исследователей, считающих носителей чияликской культуры местными полукочевыми угорскими племенами. Население чияликской культуры, принявшее ислам и тюркизированное пришлыми тюркскими племенами, рассматривается в качестве основного компонента башкир и татар Предуралья [Гарустович, 2011, с. 251].

Объединение в одну культуру (чияликскую) чияликских и макушинских памятников представляется спорным, поскольку ареалы чияликских (в Приуралье) и макушинских (в Зауралье) памятников даже не соприкасались, так как разделяющее их пространство было занято памятниками селеукского типа. Объединение сылвенских памятников с кругом чияликских древностей тоже оказалось преждевременным, «ибо они «старше»

основной массы чияликских памятников и занимают достаточно удаленный от территории чияликской культуры регион, и сам вопрос о соотношении их с этой культурой еще требует всестороннего анализа» [Пастушенко, 2002, с. 183—184]. Речь не идет, конечно, об отрицании «большой общности» памятников чияликского, макушинского и сылвенского типа, обусловленной их этнокультурной близостью и общностью происхождения, но распад этой общности привел к образованию самостоятельных этнических коллективов, роль которых в этнических процессах Восточной Европы и Западной Сибири была различной.

В рамках единой чияликской культуры, существовавшей с начала X века до начала XV века, Г. Н. Гарустович выделяет два хронологических этапа: ранний («постпетрогромская культура» у Е. П. Казакова), датирующийся домонгольским временем, и поздний («чияликская культура» у Е. П. Казакова), датирующийся золотоордынским временем. Таким образом, две выделенные Е. П. Казаковым родственные культуры объединяются в единую археологическую культуру предков современных башкир [Гарустович, 2015, с. 183]. С точки зрения Г. Н. Гарустовича, «на рубеже XII—XIII вв. никаких крупных этнических подвижек в регионе не фиксируется. Все немногочисленные новации, отличающие так называемых “постпетрогромцев” и “чияликцев” (по Е. П. Казакову) или раннечияликский и позднечияликский этапы единой культуры (по мнению автора), легко объяснимы с позиций эволюционного процесса, т. е. обычного стадийного развития единого этноса» [Гарустович, 2015, с. 188]. Так как «на рубеже XII—XIII вв. постепенно исчезают курганы, погребения с вещами и святилища с языческими изваяниями и в то же время появляются кладбища с безынвентарными захоронениями, западной и юго-западной ориентировками, разворотом лица покойных на кыблу (т. е. в сторону Мекки), мы с полной определенностью можем говорить о надежности даты принятия ислама» [ИБН, т. II, с. 218—219].

Именно появление мусульманских захоронений маркирует завершение раннечияликского и наступление позднечияликского этапа единой культуры. Но, даже если все эти памятники принадлежали одному этносу, смена религии свидетельствует о значительных изменениях в его материальной и духовной культуре. Эти изменения были связаны со сменой политической обстановки в Волго-Уральском регионе, его вхождением в состав Золотой Орды. В степной полосе региона монгольское нашествие привело к значительным перемещениям населения, которые сопровождались не менее значительным обновлением его этнического состава. В лесостепной полосе, менее затронутой монгольским нашествием, таких радикаль-

ных изменений, по всей видимости, не произошло. Однако унификация погребального обряда осложняет проблему этнической принадлежности носителей чияликской культуры. Рассматривая погребальный обряд как одну из основных этнодиагностирующих категорий археологической культуры, Г. Н. Гарустович отмечает, что это определение справедливо лишь для ранних захоронений (конец X — начало XIII веков), совершенных по языческому обряду, тогда как в поздних захоронениях (конец XIII — начало XV веков), совершенных по мусульманскому обряду, встречаются лишь пережитки этнических черт. «Распространение ислама преобразовало погребальный обряд в культурно-историческую и хронологическую категорию. Но только не этническую!» [Гарустович, 1998, с. 14]. В такой ситуации можно говорить лишь о происхождении, но не об этнической принадлежности носителей чияликской культуры, тем более что название образуемого ими этноса по письменным источникам неизвестно. Сомнительно, представляли ли они единый этнос, скорее речь может идти о совокупности племен, названия которых сохранились до наших дней. Возможно, что к концу XIII века эти племена уже не были уграми ни по языку, ни по культуре.

А. Ф. Яминов вслед за Е. П. Казаковым и Г. Н. Гарустовичем объединил грунтовые могильники Башкирии и восточных районов Татарии «в одну чияликскую культуру, в этническом плане принадлежащую к угорскому ЭКА». Население ЭКА грунтовых могильников и поселенческих памятников лесостепной зоны Икско-Бельского междуречья, «определяемое в этническом плане как угорское, стабильно пребывало здесь уже с домонгольского периода и вплоть до конца XIV в., не испытав при этом каких-либо этнических “вливаний” извне. Не претерпела никаких изменений и территория, занимаемая населением чияликской культуры, а все имевшие место новации носили более идеологический и культурологический характер» [Яминов, 1995, с. 28—29]. По мнению А. Ф. Яминова, население, оставшееся грунтовые могильники и поселения, стабильно пребывало на территории Камско-Бельско-Икского междуречья и центральной Башкирии «уже с XII в. и до XIV в. включительно» [Яминов, 1995, с. 19].

Из приведенного обзора мнений исследователей, большинство из которых положительно отвечают на вопрос о принадлежности чияликской культуры уграм, следует, что данные археологии необходимо подкрепить данными смежных наук. В низовьях Белой и Ика выявлены элементы угорской топонимии, оставленные населением, жившим здесь в VI—XIV веках. Однако дифференцировать топонимы, оставленные уграми, ушедшими на запад, и уграми, оставшимися в Волго-Уральском регионе и подверг-

шимися постепенной тюркизации, оказалось невозможным, ибо «такое расчленение — дело будущего» [Арсланов и др., 1993, с. 108].

Нужно также признать, что чияликская культура пока еще совершенно не изучена в антропологическом отношении. Комплекс признаков уральской расы характерен для населения пьяноборской культуры (III в. до н. э. — II в. н. э.), бахмутинской культуры (V—VIII вв. н. э.) и современных башкир северных и северо-западных районов Башкортостана [Антропология башкир, 2011, с. 91—92]. Чияликский этап из установленного ряда выпадает, а между населением бахмутинской культуры и современными башкирами лежит хронологический период протяженностью более тысячи лет. В самом общем плане можно считать, что расогенетические процессы на севере современного Башкортостана с древнейших времен до наших дней развивались на базе местного финно-угорского населения, в том числе и носителей чияликской культуры, без значительных изменений, обусловленных внешним воздействием.

В числе башкирских племен, связанных своим происхождением с носителями чияликской культуры, исследователи солидарно называют юрматы, юрми, еней, гайна, кесе, буляр и байлар. Все эти племена, за исключением последнего (отнесенного к группе древнебашкирских племен), отнесены Р. Г. Кузеевым к болгаро-мадьярской племенной группе, «которая представляет собой сложный синтез болгарских или болгаризированных тюркских племен с угорскими, преимущественно древнемадьярскими, племенами при доминирующей роли древнетюркского (болгарского) компонента» [Кузеев, 1974, с. 508]. Факт сильного экономического, социально-политического и культурного влияния Волжской Булгарии на приуральских угров никем не отрицается, но можно ли говорить о смешении болгар с носителями чияликской культуры? По всей видимости, «круг легенд, связанных с Булгаром, возник среди башкир в результате распространения идейного течения “булгаризма”, родившегося в среде мусульманского духовенства, в котором идеализированный город Булгар, аналог града Китежа, представал в виде символа духовного возрождения и оппозиции “неверному” русскому правлению». Для башкирских мулл XVIII—XIX веков «булгарство было цивилизационным кодом, а вовсе не отражением этнического происхождения от болгар». Это ставит под сомнение сделанные на основании преданий выводы Р. Г. Кузеева о булгарском происхождении ряда башкирских племен, в частности гайнинцев [ИБР, т. 11, с. 20—21]. Данные генетики свидетельствуют об автохтонном происхождении гайнинцев, отрицая связь с волжскими булгарами [ИБР, т. 11, с. 28]. Очевидно, предков гайнинцев нужно искать среди древнего финно-угорского населения Прикамья [ИБР, т. 11, с. 124].

4. Выводы

Таким образом, проблема этнической принадлежности носителей чияликской культуры связана со значительными трудностями. Археология располагает массовым материалом, однако унификация погребального обряда превратила его из этнической в хронологическую категорию. Письменные источники, напротив, чрезвычайно малочисленны, а их обзор, очевидно, является темой самостоятельного исследования. Антропологический материал полностью отсутствует, топонимический материал не расчленен, предания о происхождении башкирских племен носят легендарный характер, материальная и духовная культура северо-западных башкир изучены недостаточно полно. В то же время этнодиагностирующая часть археологического материала (керамика, украшения, языческие реликты погребального обряда), сведения письменных источников о «венграх» на Южном Урале, уральский расовый тип современных северных башкир, угорские топонимы в низовьях Белой и Ика, а также выделенный Р. Г. Кузеевым болгаро-мадьярский субстрат в этногенезе башкир, несомненно, свидетельствуют в пользу мнения большинства исследователей об угорском происхождении носителей рассматриваемой культуры. Угорский компонент, сыгравший важную роль в этногенезе башкир, связывается именно с чияликской культурой. Однако это не единственный и даже не основной, а скорее локальный компонент, так как связанные с ним этнические процессы протекали в северо-западной части территории расселения башкир. В такой ситуации нельзя признать удачными поспешные и слабоаргументированные попытки отождествления носителей чияликской культуры с башкирами письменных источников. Очевидно, приуральские угры вошли в состав башкир в результате завершения длительного процесса исламизации и тюркизации. Определить такой рубеж мешает слабая изученность археологических памятников после XIV века. Данные смежных наук по этому — «темному» — периоду истории Башкортостана также практически отсутствуют.

Источники и принятые сокращения

1. БНТ — *Башкирское народное творчество*. — Уфа : Китап, 1987—1999. — Т. 1—10.
2. ИБН — *История башкирского народа*. — Уфа : Гилем, 2012. — Т. I—VII.
3. ИБР — *История башкирских родов* / С. И. Хамидуллин [и др.]. — Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2015. — Т. 11. — 696 с.

Литература

1. *Антропология башкир* / М. А. Бермишева [и др.]. — Санкт-Петербург : Алетей, 2011. — 496 с.

2. *Арсланов Л. Ш.* Финны, угры и самодийцы в Восточном Закамье (III в. до н. э. — XIV в. н. э.) : опыт археолого-топонимического изучения этнокультурной истории региона / Л. Ш. Арсланов, Е. П. Казаков, К. И. Корепанов. — Елабуга : Елабужский госпединститут, 1993. — 140 с.

3. *Гарустович Г. Н.* Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии / Г. Н. Гарустович // Проблемы древних угров на Южном Урале / отв. ред. А. Х. Пшеничнюк. — Уфа : БНЦ УрО АН СССР, 1988. — С. 130—139.

4. *Гарустович Г. Н.* Ареал расселения угорских племен Приуралья в XIII—XIV вв. / Г. Н. Гарустович // Востоковедение в Башкортостане : История. Культура / отв. ред. Н. А. Мажитов. — Уфа : БГУ, 1992. — Т. 2. — С. 121—123.

5. *Гарустович Г. Н.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I — начале II тыс. н. э. / Г. Н. Гарустович, В. А. Иванов // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья / отв. ред. В. А. Кананин. — Ижевск : Удмуртский университет, 1992. — С. 17—31.

6. *Гарустович Г. Н.* Памятники X — начала XIV в. н. э. / Г. Н. Гарустович // Археологические памятники Башкортостана / отв. ред. Ю. А. Морозов. — Уфа : Гилем, 1996. — С. 51—55.

7. *Гарустович Г. Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.06 / Г. Н. Гарустович. — Уфа, 1998. — 28 с.

8. *Гарустович Г. Н.* Чияликская культура / Г. Н. Гарустович // Башкирская энциклопедия / гл. ред. М. А. Ильгамов. — Уфа : Башкирская энциклопедия, 2011. — Т. 7. — 251—252.

9. *Гарустович Г. Н.* Чияликская археологическая культура эпохи средневековья на Южном Урале / Г. Н. Гарустович // Уфимский археологический вестник. — 2015. — Вып. 15. — С. 181—198.

10. *Иванов В. А.* Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала) / В. А. Иванов. — Санкт-Петербург : Грань, 1994. — 128 с.

11. *Иванов В. А.* Разложение первобытнообщинного строя / В. А. Иванов // История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. / отв. ред. Х. Ф. Усманов. — Уфа : Китап, 1996. — С. 71—90.

12. *Иванов В. А.* Аксиомы и альтернативы ранней средневековой истории Южного Урала / В. А. Иванов // Народы Урало-Поволжья : история, культура, этничность / ред. Х. Х. Ишмуратов. — Уфа : Уфимский полиграфкомбинат, 2003. — С. 173—182.

13. *Ишбердин Э. Ф.* Камень с «загадными» знаками / Э. Ф. Ишбердин // Советская тюркология. — 1980. — № 2. — С. 64—67.

14. *Казаков Е. П.* Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии / Е. П. Казаков. — Москва : Наука, 1978. — 132 с.

15. *Казаков Е. П.* О происхождении и этнокультурной принадлежности средневековых прикамских памятников с гребенчато-шнуровой керамикой / Е. П. Казаков // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья / отв. ред. Р. Г. Кузев. — Уфа : БФАН СССР, 1986. — С. 67—75.

16. Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX—XIV вв. : проблемы взаимодействия / Е. П. Казаков. — Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2007. — 208 с.

17. Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа : этнический состав, история расселения / Р. Г. Кузеев. — Москва : Наука, 1974. — 571 с.

18. Мажитов Н. А. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. — Уфа : Китап, 1994. — 360 с.

19. Мажитов Н. А. История Башкортостана. Древность. Средневековье / Н. А. Мажитов, А. Н. Султанова. — Уфа : Китап, 2009. — 496 с.

20. Мажитов Н. А. Заблуждение или фальсификация? / Н. А. Мажитов // Проблемы востоковедения. — 2011. — № 2. — С. 74—89.

21. Пастушенко И. Ю. История изучения так называемой «сылвенской» культуры / И. Ю. Пастушенко // Социально-исторические и методологические проблемы древней истории Прикамья / науч. ред. О. М. Мельникова. — Ижевск : Удмуртский университет, 2002. — С. 171—187.

22. Яминов А. Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.06 / А. Ф. Яминов. — Ижевск, 1995. — 30 с.

Problem of Ethnicity of Chiyalikskaya Culture Natives in Historiography

© Antonov Igor Vladimirovich (2017), orcid.org/0000-0002-1188-1785, PhD in History, associate professor, senior research scientist, Department of South Urals Archeological Heritage, Institute of Ethnological Studies of R.G. Kuzeev (Ufa, Russia), igan73@yandex.ru.

The question of ethnicity of Chiyalikskaya culture natives, distinguished according to the materials of monuments in the lower reaches of the rivers Ik and Belaya is raised. The results of the comparative analysis of archeological data and written sources are presented. Despite the spread of Islam, the funeral rite chiliksky burial of 13th—14th centuries remained pagan relics characteristic of the Ugric peoples of the Urals. A review of the historiography showed that, being the part of the ethno-cultural habitat of Ugric peoples of the southern Urals, Chiyalikskaya culture was under strong influence of Volga Bulgaria. The findings are confirmed by data from written sources. As a result of gradual Turkification and Islamization the descendants of Chiyalikskaya culture natives became a part of Bashkirs. However, it is difficult to trace their history since the 14th century because of a lack of knowledge of archaeological sites and the lack of data of related sciences. It is proved that Ugric component in the ethnogenesis of the Bashkirs played not major, but rather local role: the descendants of natives of Chiyalikskaya culture considered to be the North-Western Bashkirs. Novelty of research consists in the fact that natives of Chiyalikskaya culture cannot be identified with the Bashkirs of written sources. Bashkirs could be the natives of monuments of seleukskiy type, synchronous to Chiyalikskaya culture and widespread in the southern Urals.

Key words: Chiyalikskaya culture; Ugrians; Bashkirs; Turkification; Islamization.

Material resources

- BNT — *Bashkirskoye narodnoye tvorchestvo*. 1987—1999. Ufa: Kitap. 1—10. (In Russ.).
- IBN — *Istoriya bashkirskogo naroda*. 2012. Ufa: Gilem. I—VII. (In Russ.).
- IBR — Khamidullin, S. I. [et al.]. 2015. *Istoriya bashkirskikh rodov*. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat. 1. (In Russ.).

References

- Arslanov, L. Sh., Kazakov, E. P., Korepanov, K. I. 1993. *Finny, ugry i samodiytsy v Vostochnom Zakamye (III v. do n. e. — XIV v. n. e.): opyt arkheologo-toponimicheskogo izucheniya etnokulturnoy istorii regiona*. Elabuga: Elabuzhskiy gospedinstitut. (In Russ.).
- Bermisheva, M. A. [et al.]. 2011. *Antropologiya bashkir*. Sankt-Peterburg: Aleteyya. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 1988. Ob etnicheskoy prinadlezhnosti rannemusulmanskikh pamyatnikov Zapadnoy i Tsentralnoy Bashkirii. In: Pshenichnyuk, A. Kh. (ed.). *Problemy drevnikh ugrov na Yuzhnom Urale*. Ufa: BNTs UrO AN SSSR. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 1992. Areal rasseleniya ugorskikh plemen Priuralya v XIII—XIV. In: Mazhitov, N. A. (ed.). *Vostokovedeniye v Bashkortostane: Istoriya. Kultura*. Ufa: BGU. 2. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 1996. Pamyatniki X — nachala XIV v. n. e. In: Morozov, Yu. A. (ed.). *Arkheologicheskiye pamyatniki Bashkortostana*. Ufa: Gilem. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 1998. *Naseleniye Volgo-Uralskoy lesostepi v pervoy polovine II tysyacheletiya nashey ery: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Ufa. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 2011. Chiyalixskaya kultura. In: Ilgamov, M. A. (ed.). *Bashkirskaya entsiklopediya*. Ufa: Bashkirskaya entsiklopediya. 7. (In Russ.).
- Garustovich, G. N. 2015. Chiyalixskaya arkheologicheskaya kultura epokhi srednevekovyya na Yuzhnom Urale. *Ufimskiy arkheologicheskij vestnik*, 15: 181—198. (In Russ.).
- Garustovich, G. N., Ivanov, V. A. 1992. Areal rasseleniya ugrov na Yuzhnom Urale i v Priuralye vo vtoroy polovine I — nachale II tys. n. e. In: Kananin, V. A. (ed.). *Problemy etnogeneza finno-ugorskikh narodov Priuralya*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Ishberdin, E. F. 1980. Kamen' s «zagadochnymi» znakami. *Sovetskaya tyurkologiya*, 2: 64—67. (In Russ.).
- Ivanov, V. A. 1994. *Otkuda ty, moy predok? (Vzglyad arkheologa na drevnyuyu istoriyu Yuzhnogo Urala)*. Sankt-Peterburg: Gran'. (In Russ.).
- Ivanov, V. A. 1996. Razlozheniye pervobytnoobshchinnogo stroya. In: Usmanov, Kh. F. (ed.). *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do 60-kh godov XIX v.* Ufa: Kitap. (In Russ.).
- Ivanov, V. A. 2003. Aksiomy i alternativy ranney srednevekovoy istorii Yuzhnogo Urala. In: Ishmuratov, Kh. Kh. (ed.). *Narody Uralo-Povolzhya: istoriya, kultura, etnichnost'*. Ufa: Ufimskiy poligrafkombinat. (In Russ.).

- Kazakov, E. P. 1978. *Pamyatniki bolgarskogo vremeni v vostochnykh rayonakh Tatarii*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Kazakov, E. P. 1986. O proiskhozhdenii i etnokulturnoy prinadlezhnosti srednevekovykh prikamskikh pamyatnikov s grebenchato-shnurovoy keramikoy. In: Kuzeev, R. G. (ed.). *Problemy srednevekovoy arkheologii Urala i Povolzh'ya*. Ufa: BFAN SSSR. (In Russ.).
- Kazakov, E. P. 2007. *Volzhskiy bolgary, ugry i finny v IX—XIV vv.: problemy vzaimodeystviya*. Kazan': Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT. (In Russ.).
- Kuzeyev, R. G. 1974. *Proiskhozhdeniye bashkirskogo naroda: etnicheskii sostav, istoriya rasseleniya*. Moskva: Nauka. (In Russ.).
- Mazhitov, N. A. 2011. Zabluzhdeniye ili falsifikatsiya? *Problemy vostokovedeniya*, 2: 74—89. (In Russ.).
- Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 1994. *Istoriya Bashkortostana s drevneyshikh vremen do XVI veka*. Ufa: Kitap. (In Russ.).
- Mazhitov, N. A., Sultanova, A. N. 2009. *Istoriya Bashkortostana. Drevnost'. Srednevekovye*. Ufa: Kitap. (In Russ.).
- Pastushenko, I. Yu. 2002. Istoriya izucheniya tak nazyvaemoy «sylvenskoj» kultury. In: Melnikova, O. M. (ed.). *Sotsialno-istoricheskiye i metodologicheskiye problemy drevney istorii Prikam'ya*. Izhevsk: Udmurtskiy universitet. (In Russ.).
- Yaminov, A. F. 1995. *Yuzhnyy Ural v XIII—XIV vv.: avtoreferat dissertatsii... kandidata istoricheskikh nauk*. Izhevsk. (In Russ.).